

ВИКТОР ДЁМИН
СЕРГЕЙ ВОРОНЧИХИН

A blurred high-speed train moving along tracks at sunset. The train is dark with streaks of light from its windows and lights, suggesting motion. The tracks lead into the distance under a warm, orange sky. A tall antenna tower is visible in the background on the left.

Сонет
под стук колёс

МОНОПЬЕСА

2019

СОНЕТ ПОД СТУК КОЛЁС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПРОВОДНИК – довольно пожилой мужчина, одет в стройотрядовскую форму, с чёрной фуражкой железнодорожника на голове.

Эту историю возможно рассказывать с некоторыми купюрами, но не меньше одного часа, но и не более полутора часов.

В середине сцены выгорожена «полуторазтажная» конструкция, отчасти напоминающая то ли фрагмент курьерского поезда с типовым местом для проводника, то ли опрокинутый на крыло летательный аппарат, пробороздивший при падении верхний слой железнодорожной насыпи.

1.

Слышно шипение тормозной системы.

ПРОВОДНИК. Слышите, слышите? Сейчас будет гудок.

Раздаётся протяжный гудок поездной сирены.

Это вот так сейчас гудят. А тогда было не так. Нежнее, протяжнее, ну, примерно так. *(Показывает голосом, закашливается.)*

Да, даже гудок отправления был другой, а не то, что времена.

Вот тогда, сорок лет назад, именно с этого места я отправился в ту поездку, будто вскочил в экспресс, идущий на большой скорости по проложенному кем-то маршруту. Этот скоростной поезд рассёк мою жизнь на две части: «до» и «после».

Что я буду рассказывать? Ну, это не главное. Нет, точно не главное. Я хороший рассказчик и могу, если понадобится, рассказать вам телефонный справочник так, что закачаешься. Тут другое важно – зачем? Действительно, зачем? Причин, зачем рассказываю, много, но как только начну называть их по одной, понимаю – не она главная. А главная, вот жизнь – почти прошла, а я всё ждал: вот стану мудрее, вот уже эта мудрость рядом вообще... Так, будем считать, что всё, что я рассказываю, – это очень важно для меня по многим причинам. Ну а вы... вы слушайте потому, что пришли и всё, деваться некуда.

И ещё о железке, то есть железной дороге. Во времена дореволюционные, да и после, это было одно из чудес света в России. Здесь всё двигалось точно по времени и расписанию. Обход путей, отход поездов и их приход, свистки кондукторов... В России точно по времени?! Это умом не понять.

Мне всегда так нравилось выражение «точно как курьерский поезд», так хотелось быть солидным и точным курьерским поездом. В начале века, извините, прошлого века, ответственным служащим на станциях: начальнику станции, перронному смотрителю, стрелочнику выдавались очень хорошие служебные часы от Буре или там от Мозеля. И вот достаёт он, такой простой гражданин, эти часы, а они все сверялись *(с удовольствием показывает, как доставались эти часы, и как это было приятно)*, и говорит: «Ну, всё – тронулись».

Кроме этого были точные сигналы отхода поезда. Сначала дежурный по станции бил в колокол, потом кондуктор давал свисток, а потом машинист давал паровозный гудок. Так и мы по моей истории будем двигаться, как хороший курьерский поезд. *(Подходит к колоколу и бьёт в него три раза.)*

(Звукооператору.) Будьте добры!

Раздаётся протяжный гудок отхода поезда.

Так что, поехали.

2.

ПРОВОДНИК. Я был другой – молодой и горячий, даже пылкий. Представляете – «пылкий»? Будучи студентом, каждое лето я отправлялся служить, именно служить, а не работать в специальный стройотряд – студенческий отряд проводников железной дороги ордена Трудового Красного Знамени, и был влюблён. Да, я был влюблён – безумно, страстно, постыдно, ненормально – в свою первую женщину. *(Качает головой, прикрывая лицо ладонью.)*

Кстати, я долгое время считал, что каждый, понимаете, каждый мужчина был хотя бы раз так влюблён *(пристально смотрит в зал)*. Вот Вы, или нет – Вы... были так... Хотя, нет. Здесь не место для такого опроса. Но, как оказалось, многие, очень многие никогда не были так страстно влюблены. Никогда! Я не мог в это поверить! А мне казалось таким естественным это чувство влюблённости, присутствующее в нас время от времени, как простуда в феврале или марте.

И тогда я открыл для себя сонеты. Шекспир, Петрарка или наш Пастернак звучали во мне. *(Неловко становится на одно колено, держа в руках чёрно-белую фотографию девушки. Произносит слова с чувством и искренне.)*

Моя любовь – опаснейший недуг,
Не помышляющий об исцеленье,
Питаемый ключом несчетных мук –
Болезненным стремленьем к угождению.

Мой разум, врач моей любви, сердясь,
Что предписания его забыты,
Меня покинул, и я вижу: страсть
Подобна смерти, не бывает сытой.

Без разума я обречён на бред,
Безумная тревога сердце гложет,
В моих словах и мыслях связи нет,
И правду высказать язык не может.

Была ты так чиста, светла на взгляд, –
А страсть темна, как ночь, мрачна, как ад.

Звучит немного грустная лирическая мелодия.

Вот этот сонет с «мрачным» концом, я выбрал гораздо позже, чем произошла история, которую я рассказываю. Я выбрал этот стих после долгих раздумий: в чём отличие страсти от совершенной любви? Только сейчас я стал близок к ответу.

Лена, Елена – так звали мою любовь. Она была из очень правильной хорошей семьи. Папа военный, работающий на нашем засекреченном комбинате представителем Заказчика, ходил в морской форме, и у него даже был кортик с очень красивой ручкой, наверное, из слоновой кости. Мне всегда хотелось его примерить. Кортик висел на стене в гостиной – у них была большая квартира, и я останавливался всегда перед ним и пристально смотрел на него. Мне казалось, что кортик мне говорил: «Ну, что, пацан? Ты бывал в военных походах?..» Тут речь его обрывалась – входил хозяин кортика и сопровождал меня на кухню. Когда я к ним приходил в гости, меня обязательно вели на кухню и кормили.

Но прежде мама моей возлюбленной, будучи врачом, отправляла меня мыть руки, мыть руки «правильно». Выглядело это так: я открывал кран, пускал струю воды и смачивал руки, затем наносил мыло на все обрабатываемые поверхности, тщательно втирал на тыльную и внутреннюю сторону конечностей, переплетал пальцы и снова втирал. И только после этого длительно промывал проточной водой... В это время из-за двери звучал голос мамы-врача: «Сейчас столько заболеваний, и всё идёт от грязных рук – их надо тщательно и правильно мыть». В этот момент я всегда вспоминал две вещи: свой детский сад, и как мы с Ленкой зачастую нарушаем правила гигиены. Было смешно. Я представлял себя немножко этаким разведчиком, засланным в чужие края и вынужденным подчиняться существующим там правилам, при этом ни в коем случае нельзя выдать своих.

Глава их семьи следил за своей внешностью, всегда был выбрит и носил усы. Такие морские красивые усы, и, наверное, гордился ими. Для нашего небольшого «закрытого» города он был заметной фигурой. Старший Представитель Заказчика. Это вам не какой-нибудь сменный мастер или даже начальник цеха! Он представлял главную гордость и достоинство нашей страны – Вооружённые Силы: военноморской флот и советскую армию – ту мощь, от которой дрожали и паниковали все наши враги. Глядя на него, я, как гражданин страны Советов, обязан был сказать: «Воот, я горд, что рядом со мной такой человечище, и я хочу быть похожим на капитана второго ранга». Ну, помните как в пионерах – «в борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы! – Всегда готовы!».

Звучит горн «На подъём флага».

Капитан второго ранга любил порассказать морские истории, обязательно поучительные. Иногда у него глаза наполнялись влагой, и голос начинал вибрировать, тогда он делал паузу, вставал и шёл в гостиную посмотреть на кортик. Истории звучали примерно так: «В зону контроля нашего Северного флота входят два океана: Северный Ле-

довитый и Атлантический вместе со Средиземным морем. Мы выполнили стратегическую задачу – прошли на нашей подлодке из Северного Ледовитого в Атлантический океан, обогнув Гренландию. Поход проходил в обстановке полной секретности, задачу, поставленную командованием, мы узнавали только под водой, вскрывая спецпакет. Нас везде ожидала смертельная опасность: снизу – грунт, сверху – всё приближающаяся кромка льда...»

Все эти слова Проводник произносит «дикторским» голосом.

Звучит маршевая мелодия боевых походов.

Отец Лены называл острова, проливы, банки и отмели. У меня начинала кружиться голова, и я чувствовал себя пигмеем рядом с живым титаном. Он произносил названия географических точек по-английски, и я со страхом думал: смогу ли я повторить. Я понимал, что народ в дальних странах – в этих канадах, гренландиях, островах – наверное, говорит на этом языке, но поймут ли они меня с моим английским? Где можно было общаться мне с иностранцами, когда даже при выезде из города необходимо было показать паспорт с пропиской и провериться, есть ли ты в списках на выезд? Я только читал в книгах, что мир огромен, а он, этот капитан, видел это. И тут меня как током продёргивало: но он же был на глубине внутри лодки, и не мог видеть и пощупать землю, поговорить с людьми! Зачем преодолевать такие расстояния и не иметь возможности посмотреть этот другой мир? Нет, меня это не могло устроить. Я хотел познать мир колесами, видя его из окна, иметь возможность остановиться и вдохнуть запах иноземных просторов. Железная дорога – вот, что становилось моим путём.

Сначала тихо, затем всё отчётливее слышится мелодия-лейтмотив «Скорый поезд».

3.

ПРОВОДНИК (*продолжает*). Закончив «трапезу», мы с Ленкой, взявшись за руки, выпрыгивали из квартиры че-

рез солидную, обшитую красивым кожзаменителем, дверь, и тут же между этажами начинали целоваться взад, сливаясь друг с другом в страстных объятиях.

О, как это было необычно, мне всегда становилось так жарко, и начинала кружиться голова. Ещё немного и я бы рухнул в обморок, но Ленка, эта совсем ещё юная женщина, вовремя разрывала поцелуй, и мы бежали... Куда? Да хоть куда, главное – бежали, взявшись за руки. Но вот родителям, её родителям, это как-то не очень нравилось. Вот именно эта неопределённость: куда, зачем, какова цель наших «отношений»? И я думаю, они много раз говорили об этом с Ленкой, но она такая молодец, просто наша в доску девчонка, держалась своей линии. Говорила примерно так: «Мама, мы пока дружим, я уже не маленькая, а Костя (это я) скоро определится с жизненными целями – мы ведь должны учиться и окончить вуз». Ну и так далее.

А я не то, что не мог определиться, я вообще не понимал куда двигаюсь. Знаете, как в плотном как молоко тумане видишь только тени и какие-то сполохи цветные и движения не чувствуешь. Я чувствовал себя рядом с ней вечно пьяным без вина и счастливым, но в то лето, во второе лето нашей любви, был стройотряд.

Это был особый отряд, собранный из студентов городских вузов, направленных работать на железную дорогу проводниками... Наша жизнь – участников отряда – разливалась под стук колёс, и я не мог уже без поездов и этого колёсного аккомпанемента.

Это было так *(берёт одним сильным движением гитару и с неожиданной энергией поёт)*:

Курьерский поезд помчится дальше,
В отряде нашем не терпим фальши,
А верность делу и доброта
Будут бесценны везде и всегда!

Пауза

Да, это был «яростный стройотряд» – я не мог его оставить и сойти с рельс «своего пути». Я не мог, тогда так ка-

залось, променять всё это на тихую семейную жизнь молодой студенческой пары. То лето... Знаете, вот как в детстве бывает летом: каждый день кажется бесконечным, а всё лето вдруг пролетает как один миг! Как миг.

Несмотря на то, что в СССР секса не было, – у нас он был. Был таким странным страстным и, наверное, целомудренным. Мы лежали рядом, держась за руки, обнажёнными и ничего не делали, но на нас накатывала какая-то волна, и мы проваливались в неё и неслись так – волна за волной, – кайфуя в этой стихии.

Её папа-подводник, конечно, что-то подозревал. Я думал, что вот очень скоро он должен был серьёзно, по-мужски, по-флотски поговорить со мной: «Призывник Константин, вы не обижаете мою дочь?» Но я отбыл в стройотряд. И тут, видимо, мою Лену достали. Я не знаю, что там произошло: может быть, капитан второго ранга доложил своему адмиралу, так по-дружески, мол, вот моя-то с непутёвым обжимается, или приехала какая-то гостья из родственников, такая – продвинутая, а может слухи дошли до парткома, кто-то про аморалку комсомольцев стукнул?

Кстати, анекдот на эту тему: вызывают инженера Сидорова на партком и спрашивают: «Это правда, товарищ Сидоров, что вчера в пьяном виде вы ругали советскую власть? – Я?! Да на хер она мне сдалась!»

Вот, а мы кому-то «сдались». И только прибыл я на самую дальнюю точку нашей северной железной дороги, недалеко так, под Воркутой, как бац – телеграмма. *(Вздыхает, трёт глаз, затем достаёт из кармана какой-то свёрнутый пожелтевший листок.)*

Вот она. До сих пор храню. *(Читает, смотря в листок.)* «Костя зпт нас неприятности тчк Папа требует я тоже нам надо определиться тчк Так дальше нельзя тчк Ты должен быть через три дня здесь зпт иначе прощай навсегда тчк Елена». «Навсегда». *(Смотрит в зал.)* Это как понимать? Я называл её «моя Ёлка», а тут... Лето в один миг стало пасмурным и по-северному суровым.

Как я мог добраться в такой короткий срок в наш родной закрытый город? Я был один в отряде мужчина, тринадцать девчонок и один я – мужик. Защита и гордость. Я чувствовал на себе это бремя – я в ответе за наш отряд. Мысли чего-то спутались... одна, другая: ну, вот приеду и что? Бухнемся в ноги капитану второго ранга, и он нас благословит? Ерунда какая-то.

Знаете, вот так бывает... Вот в школе, не один, а с несколькими пацанами нахулиганишь, а потом раз, и засекали тебя, и прихватили. И ты один стоишь перед завучем, а она такая величественная, как Екатерина Вторая (а мы её Луковицей звали), и говорит: «Ну, что, мальчик, ты сейчас всё расскажешь мне? Или мне будет очень жаль твоих родителей». И сразу так в голове щёлк, щёлк: чего она знает? Пацаны другие что сказали? А моя мама, мамочка как она расстроится! Отца уже с нами тогда не было. И мама так болезненно до слёз за меня всякий раз переживала. Все мысли разом так закружатся, закружатся. Так, что делать, что делать?

И вот я принимаю решение: надо в управу ехать, в город. Там я попробую договориться – изменить своё расписание, может, и изменить маршрут бригады. Утром встал – ещё не рассвело, огоньки так тускло светятся, но уже светло. Это же Севера, ночи светлые... И ходу на станцию.

4.

ПРОВОДНИК. Командный голос я вырабатывал, наверное, с самого детства. Ну, во-первых, я был председателем совета дружины пионерской организации родной школы №9, а в дружине было шестьсот пятьдесят человек. Потом как-то я попал в Артек, в этот замечательный инкубатор юных строителей коммунизма, и был назначен командиром отряда. Естественно, мне приходилось использовать это своё умение неоднократно.

Звучит пионерский горн, затем разносится команда «На подъём флага равняйся, смирно! Флаг поднять!»

Проводник внимательно вслушивается в звуки команды.

И в своей работе на Северной дороге я очень часто этот командный голос использовал. Сейчас вы поймёте, о чём я. Это действительно важно.

В выходные жители посёлков, находящихся на границе хвойных лесов и заполярной тундры, поголовно устремились на поиск и сбор грибов и ягод. Туда, в благодатную местность, свободную от населения и богатую плодами. Сборщики северных плодов использовали для поездок именно железную дорогу.

К вагону обычно подваливала толпа эдаких аборигенов с большими коробами за спиной. А притом, что в общий вагон входит, ну, где-то восемьдесят пассажиров, то здесь было не менее ста. А многие не заходили в вагон – просто залазили на него, тогда это уже была не моя проблема – я за них не отвечал. Но те, кто честно купив билет, страстно хотели доехать до заветной станции, нуждались в поддержке. Я понимал, что если ими не руководить, они не успеют сесть ко мне в вагон. И это будет совсем непорядок, а ведь красота она как раз в упорядоченности и гармонии.

И я тогда решил использовать очень простой способ. Когда поезд подходил к станции, я заранее открывал фартук в тамбуре (*показывает, держась за конструкцию, установленную на сцене, как это всё было*), опирался на него одной ногой, держась за поручень, громким голосом объявлял: «В одной руке – билет (а билеты были такие маленькие картонные прямоугольнички и напоминали задохнувшихся в аквариуме рыбок), другая рука свободна!» Они бежали по насыпи, запрыгивали на подножку, и я практически каждого подхватывал. «Заходим по одному! У нас две минуты!» – говорил я отчётливо, а мне было-то двадцать лет, а народ слушал меня и соглашался, потому понимал, что если они будут толкаться, то никогда не сядут. Надо соблюдать правила, которые я им предложил, иначе наступит травматизм и хаос. Эту гармонию из правил я соблюдал много лет.

Достаёт снова листок телеграммы, смотрит в него,

шевелит губами. Затем пожимает плечами и аккуратно прячет телеграмму в нагрудном кармане.

И вот я на станции... Узнаю, что пойдёт до города, где наше Управление, и принимаю решение ехать автобусом. А на посадке – десятки человек, как на старте, в напряжении таком нервном застыли. А я же спешу на встречу с возлюбленной...

И тут сработал автомат: я, чувствуя себя тем же проводником поезда, который сажает грибников, громко выкрикнул: «Все достали билеты, показываем, проходим по одному в салон!» Толпа замерла. Она, на удивление, подержана энергетике одного человека с командным голосом. Люди, не задумываясь, выстроились в очередь. «Заходим спокойно», – сказал я и сам зашёл последним.

Автобус нашего маршрута был заполнен до отказа. Водитель выглянул с шофёрского места и спросил: «Да ты кто? Я ещё такого не видел, чтоб такая толпь за минуту погрузилась!» Была тишина. Толпа, действительно, загрузилась за минуту, и я с достоинством, так знаете, как настоящий мужчина, ответил: «Проводник я с ж/д». Самое интересное, что пассажиры спросили: «...А дальше что нам делать?» Это мне! На что я и сказал: «Пройдите вперёд, пожалуйста». Так я двинулся навстречу своей судьбе, с первого шага стараясь сделать мир организованным и прекрасным.

В управе я обо всём договорился – рассказал о возможном разрушении будущей ячейки общества, немного стусив при этом краски. Там меня поддержали, ведь семья считалась ячейкой строящегося социализма.

А вот тут недавно по ящику смотрел выступления одного режиссёра, что ли. Такой полный, лысый и с толстой цепью на шее. Нет, не знаю, что там у него на цепи висело, но передача такая – разговорное шоу. Так вот, он очень красиво и даже с апломбом рассказывал, что каждые семь лет меняет свою женщину. Да, да, так вот заведено у него,

и он считает, что это закон природы. Видимо, открывшийся только ему. И все его женщины и дети (то ли пять, то ли шесть душ) очень довольны и согласны с ним.

Я всеми мыслями и чувствами стремился к Ёлке (*трогает рукой нагрудный карман, где лежит телеграмма*), совершенно не понимая смысла вот этой телеграммы. И почему именно в пятницу?

Уже вечером того же дня я поехал проводником общего вагона в направлении нашей с Ленкой встречи.

Выполняя нехитрые обязанности проводника, я всё время прокручивал в голове варианты нашего объяснения, предполагая, что мы поймём друг друга, ведь нам так хорошо вдвоём. Несмотря на такую мысленную заикленность, я автоматически следовал правилам, которым нас учили: «В общем вагоне у каждого пассажира билет должен быть на руках. Проводник не имеет права спать, а также обязан объявлять название станции на каждой остановке».

Своим командным голосом я выкрикивал названия буквально каждые полчаса. Я предупреждал народ заранее, и все выходили вовремя, а поезд шёл всё дальше. Перед одной станцией я очень много кричал. Не помню, как она называется (скажем так, «Опарино»). Ну это не имеет значения. В общем вагоне не удастся поспать хотя бы какое-то время, пассажиры иногда возмущались, говорили: «Блин, да что ты всё кричишь-то?» Я отвечал, что это не плацкарт или купе, а общий вагон, и за полчаса я буду объявлять остановки. Я же не знаю, кто где выходит. «Хорошо», – соглашались они и пытались заснуть снова.

Я кричал перед той станцией очень долго, а минут через десять после отправления ко мне подходит бабушка (такая Яга) и говорит: «А где, милоч, моё Опарино-то?» «Бабушка, я кричал за полчаса до Опарино. Теперь уже проехали». И тут бабушка устраивает мне скандал, почему-то называя меня «лихоимцем жадным». Но я же был не виноват – пассажиры меня поддержали, и это было замечательно. Ко-

роче говоря, к четырём утра я вымотался, нисколечко уже меня не было. Может быть, поэтому и случилось то, что случилось дальше.

5.

ПРОВОДНИК. В нашей бригаде было четырнадцать человек: тринадцать девчонок и я – единственный мужчина, хотя и двадцатилетний. Мне приходилось помогать девчонкам по разным небольшим хозяйственным делам, но я-то ещё чувствовал своё настоящее предназначение: защитник и опора, ну и так далее. В ту поездку, про которую я рассказываю, с нами поехала комиссар нашего студенческого отряда – Галина. Высокая статная девушка, она занималась спортом – метанием молота. Широкая в плечах, сильная и так далее. *(Показывает, что именно – «далее».)*

Вот в эту поездку я взял себе общий вагон, нравились мне именно «общие». Всё на виду, и развернуться есть где, и подзаработать можно. Стоим, значит, на одной из станций между Воркутой и Котласом, и я заприметил сразу этого парня: такой статный, красивый. Сам чернявый, голову высоко держит, окидывая всех, как бы с высоты, взглядом. Только одет странновато – в рабочую куртку. А хотя и поздно уже было, кругом светлым светло. Летом на севере ночи – благодать!

Так, садится он ко мне в вагон, сразу заходит в дежурку, кладёт рубль на стол и говорит: «Ну что, земля, как обычно сделаешь?» Ну, это значит: берёшь пачку грузинского чая тридцать граммов, завариваешь его в стакане, настаиваешь – вот это называется чифир. Надо сказать, что стакан чая с сахаром стоил тогда четыре копейки, а рубль давали за стакан этого самого напитка. И вижу я, что это откинувшийся зэк. То есть человек, который отсидел в колонии. А на этой трассе очень много таких мест. Дело было не впервой, зачифирил ему как положено, подал в стакане с подстаканником. Естественно, что ему стало хорошо. Он посидел у меня, походил по вагону или посмотрел чего-то

и потом возвращается и говорит: «Может у тебя и водка есть?»

А в то время мы торговали водкой таким образом: водка в магазинах стоила четыре сорок две, мы покупали примерно бутылок десять-двадцать на рейс и продавали по десятке. Но с оглядкой, чтобы не засекло начальство и ОБХСС, и главное – без скандалов, чтобы всё было «чики-чики». Смотрю на него: парень очень красивый, крепкий, выпил чифиру, такому парню можно продать – ничего страшного не произойдёт.

Как говорят картёжники: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Кстати, был в Сочи в прошлом году, вот чемпионат мира был. Нет, не хотел бы там жить. Всё побережье в громадных блестящих отелях, цены там – как в «загнивающей» Европе, и чувствуешь себя маленьким и ненужным своей стране. Ей, наверное, интуристы нужны больше?

«На, вот, – сказал я, – бутылка водки тебе сейчас. Но наливай стакан, остальное я припрячу, а когда тебе надо будет, ты придёшь и возьмёшь». Он встал, выпил стакан, и через несколько минут его повело! Назвался он Аликом. Уже потом по документам, которые я посмотрел, оказался Султаном Абдулаевым. Целым султаном, понимаешь ли. И его срок заключения составил три с половиной года за хулиганство, а не восемь, о которых он кричал, растопырив пальцы «вилкой». Он не был «авторитетом», хотя хотел казаться страшным и опасным – таким Доцентом из «Джентльменов удачи».

И вот, этот Алик дышит на меня перегаром и говорит: «А сейчас женщину хочу!» И тут у меня как щёлкнуло, я понимаю, что в этом составе мужчин, кроме меня, вообще нет, а я, вообще, еду к невесте, можно сказать, для решения своей судьбы! Если что-то случится, вся ответственность упадёт на меня, и не видать мне ни Ленки, ни коллектива. И так позорно – сам ведь продал ему водку.

Тогда второй щелчок. Значит так – пойдём с ним похитрому – я буду идти впереди него и предупредить воз-

возможные инциденты. Я и пошёл впереди, обгоняя его на полвагона и, подходя к дежуркам моих девчонок, сообщал им, чтобы они закрывались на «секретку». А что значит на «секретку»? В дежурном купе дверь закрывается, затем поднимается определённая штучка, которая называется «секреткой», и остаётся щель буквально сантиметров пять, в которую никто в принципе не может просунуться. Так мы с ним и двигались. Один вагон за другим, в голове у меня было смутение и ощущение полной неразумности моих действий.

6.

ПРОВОДНИК. Через несколько вагонов он понял мою хитрость, успел догнать меня, оттолкнул и забежал в очередной вагон быстрее, чем я. А там как раз ехала наш комиссар Галя. На всякий случай я встал сбоку и по привычке уже достал ключи. Надо сказать, что это полезные ключи, и когда ты вставляешь их в руку определённым образом, ими можно драться и даже повредить противника!

Алик разговаривал с Галей как соблазнитель, но он не знал, что она, во-первых, мастер по метанию молота, и она была крупнее нашего «Джакомо Казановы», а во-вторых, даже друзья её мужа-спортсмена, крепкие ребята, говорили с ней исключительно на «вы» и старались не волновать её.

Если бы она вышла из себя, от Алика ничего бы не осталось. Через несколько минут после тихого разговора с ней (слов я не слышал) он повернулся ко мне: «Пошли отсюда!» Мы вышли в тамбур. Он схватил меня за грудки: «Ты кого мне подсунул?» «А что?» – спросил я (так очень искренне). «Так она меня одним ударом зашибёт!» – и показывает свою руку, а на предплечье у кисти такой яркий багровый след обхвата чужой пятерни. Видимо, Галя пожала ему руку.

Я не так давно связался с одним мастером борьбы, жили в одном номере гостиницы. Пospорили, мол, кто кого. По-

сле этого у меня месяц не сходили на руках и плечах кровоподтеки и чёрные следы от хватов этого борца. Жена увидела – охнула. Где был? Где был, где был – в командировку ездил в Свердловск, и с товарищем обсудили некоторые текущие моменты.

«Ничего не понимаю», – ответил я Алику. «Ну, раз так – пойдём отсюда». Мы в обратном порядке прошли вагоны с сидевшими под секретками девчонками. Алик пошатывался и был явно расстроен, но придя в свой вагон, он упрямо двинулся искать приключения.

И тут случилось то, что потом я никак не мог понять. Да и сейчас, через сорок лет, сам себе не верю. А надо сказать, что на Севере – в Карелии, Архангельской земле – женщины, практиковавшие магию, были известны с древнейших времён. До сих пор в этих местах сохранились древние постройки – «Ведьмины стулья», на которых, по преданиям, проводились обряды. Я потом в библиотеке прочитал в Начальной русской летописи от 1071 года, где летописец повествует о языческом колдовстве: «Паче же женами волъшвенья бывают. Тако и в си роди много волхвуютъ жены чародейством». То есть чародеек или ведьм было на Северах много.

Алик ушёл к последнему купе, и его не стало слышно. И так тихо стало в вагоне. Только стук колёс. Спустя час после этого прибежали ко мне пассажиры сказать – мужчина лежит замертво в проходе у туалета. Я бегом туда, и увидел на полу тело Алика. Я попросил пассажиров, чтобы они подняли его и положили на полку. Те беспрекословно сделали это молча, без слов, как во сне. И тут я стал всматриваться в пассажиров этого последнего купе и увидел её.

Это была девушка с зелёными завораживающими глазами, до сих пор не забуду этот удивительный взгляд. За чем я посмотрел ей в глаза? Не надо было этого делать. Сотни маленьких зелёных мошек закружились перед моими глазами. Я чувствовал – я тоню. Как в детстве во сне, что-то затягивает тебя, и ты хочешь закричать, но не можешь, а мама далеко и не видит тебя. Я тонул, погружаясь в этот взгляд.

И я услышал женский голос, хриплый протяжный как будто сова-неясыть кричала: «Откуда ты пришёл? Несёшь ли ты СОВЕРШЕННУЮ ЛЮБОВЬ?» Всё – я утонул здесь в северных болотах, потому, что я не знал ответа.

Я не знаю, как пришёл в себя. В последнем купе вагона я увидел эту женщину с зелёными глазами. У неё на коленях спал ребёнок. Скорее всего, она не замужем, скорее всего, что у неё сложная судьба – подумалось мне. И вдруг она сказала: «Ищи ответ». Я успокоился. Почему? Потому что пассажиры последнего купе мирно сидели на своих местах, Алик лежал у них на верхней полке. Этакая поездная идиллия. Это мне понравилось, и я ушёл в свою служебку.

Там, уже один, вглядываясь в темноту за окном, я сидел и думал: кто я и куда я двигаюсь? Из этого забвения меня вывел Алик. Он говорил громким шёпотом: «Ты видел, видел?! Это – ведьма!» «Успокойся, – сказал я, – допей свою водку и ложись спать». Через две станции он вышел.

7.

ПРОВОДНИК. Я не мог вспомнить, зачем я здесь. То есть я понимал, что я – проводник и помнил свои обязанности по вагону, но куда я еду? К кому? И что я должен ответить про «совершенную любовь»?

Я был подавлен. Затем я бросился в то купе, где сидела эта женщина с зелёными глазами, та самая ведьма. К моему разочарованию, её уже там не было. Она вышла. Вышла незаметно, и самое странное, да-да, странное то, что пассажиры, сидящие в купе, тоже вроде бы ничего и не помнили. Ни лежащего на полке Алика, ни про мой столбняк.

Я тогда подумал: всё, точно – я заболел.

Мне нужно что-то вспомнить. Но что? И что это – Совершенная Любовь? Как заноза. «Совершенная» – я пробовав это слово на вкус, катал его как горошину на языке. Такой Любви точно во мне не было!

Значит, я болен. У меня амнезия, и шиза на какую-то любовь. Всё вместе и сразу!

Кстати говоря, вы, наверное, тоже участвовали в таком. Я недавно по месту жительства диспансеризацию проходил. Бесплатную. Я долго сопротивлялся – не люблю в очередях сидеть, особенно в поликлиниках, но моя нынешняя супруга – женщина добрая, но требовательная – сопроводила меня туда, где всё это происходило.

И там... в общем главное – надо было сдать (*пауза*) кашки. Да те самые – персональные, а я это с детства ненавижу. Помните, в садике или школе у младших мазок брали? Стоишь так попой кверху и ждёшь, когда тебе больно сделают. А потом так противно-противно и понимание – ну, вот и всё. Отбегался.

Нет, не может это быть болезнью. Надо кого-то умного спросить. Разум – он всё сможет объяснить.

Вот тут меня и попросили подмениться, перейти в купейный вагон. Вообще-то я плацкарт больше люблю – в купейном люди закроются и чего-то там делают. Чего они там делают? Курят, например. А в общем и плацкартном и зарабатываешь гораздо больше, и спокойнее.

И вот в этот вагон садятся четверо учёных! Конечно, я не сразу узнал, что они учёные. Говорили по-русски эти парни с каким-то незнакомым мне акцентом. Оказалось, они из Литвы, сейчас можно сказать – иностранцы.

Красавцы все такие. (*Показывает какие, даже становится на сиденье.*) Ехать им надо было двое суток, до Воркуты. А ехали они, чтобы исследовать (*пауза*) куропаток. Цель была простая – взять кровь у северных птиц и привить её курам. Там на месте, чтобы так, всё нормально было с иммунитетом у литовских кур.

Это рассказ о том, как идёт деградация разума. Первый этап: они все читали книги. Воспользовавшись ситуацией, я подошёл к старшему и попробовал ему рассказать про свою проблему: про амнезию, про любовь, про ведьму и про мои переживания. Старший строго посмотрел на меня и попросил всё записать на бумаге и отдать ему.

Второй этап: шахматы. Затем они подошли и попросили дать им шашки, затем – домино. Я с озабоченным выражением лица выдавал им инвентарь. Потом в ход пошли карты.

Пятый этап выглядел наиболее тревожно: они, пригласив из соседнего купе девчонок, спросили меня: «Костя, а есть ли в вагоне гитара?» (Посмотрите только на них: Костя!? А Константин берёт гитару и тихим голосом поёт...). Я всегда относился к своей гитаре, как к женщине. Отдать другому?! ...Но тут я поступился принципами, и дверь их купе закрылась.

Я пошёл разносить дневной чай. Если вы ездили в поездах, наверное, вы это помните – дневной чай. Было два часа дня. Я шёл в белой курточке и постучал к литовцам в третье купе. Дверь открылась. И я увидел картину, ну, просто маслом: на столе стояло пиво, лежали ошметки селедки, завёрнутые в обрывки научных отчётов, девушки сидели в свободных позах, и всё это перекрывалось звуками уже здорово расстроенной гитары.

Главное: оказывается, они с собой в канистрах везли спирт. Естественно, для научных опытов. Естественно, что он уже потихонечку стал испаряться. И эти учёные мне говорят: «А теперь мы будем петь наши народные песни. Присаживайся, Костя».

Песню «По Дону гуляет казак молодой» они спели первой. На литовском языке. Я так вежливо говорю: «Так ведь это наша песня». А мне в ответ со второго этажа: «Да нет, Константин. Это – наша народная».

Мне надо ещё в шесть купе разнести чай. И вдруг такой красавец с кудрявыми волосами, Гедминас, говорит: «Костя, дай мне курточку. Я разнесу».

Ну, что же, я его быстро обучил, как это делать: «Значит так. Берёшь пачку чая, закидываешь в кипяток, бросаешь туда четыре кусочка сахара и заворачиваешь чайник в одеяло и... ждешь». Аромат по вагону плывёт необыкновен-

ный! И все начинают резать, резать: огурцы, помидоры, яйца, курицу. С тех пор терпеть не могу запах варёных яиц.

Гедминас в моей куртке гордо понёс чай через все купе. Всё это он делал под восторженные крики пассажиров «О-о-о-о!», особенно женщин. Он научился нести в одной руке пять стаканов, а вторую руку держал свободной, как требуют правила техники безопасности. В конце обхода он приходит и отдаёт мне выручку. Я так беру, а там: тридцать рублей! В пять раз больше, чем обычно! Вот что значит мужская красота и прибалтийская культура.

Мой больной вопрос разрешился неожиданно. Когда они уже выходили, Гедминас подошёл ко мне и, опасливо озираясь, сунул в руку какую-то книжицу. Я разглядел только часть названия «...от Иоанна». «Это то, что ты спрашивал», – сказал литовец и быстро соскочил с подножки. Я держал книжку в руках и с непониманием оглядывал перрон с удаляющимися учёными. Какой такой Иоанн? Я ведь комсомолец, советский человек. В сердце что-то ёкнуло.

8.

ПРОВОДНИК. Уже после отправления, выполнив необходимые действия по приёму пассажиров, проверки билетов и другие дела, я с осторожностью, даже с некоторой опаской закрыл дверь служебного купе и начал разглядывать книгу.

Это была маленького формата брошюра со странным названием «О послании апостола Иоанна», впрочем, сейчас не помню точно. Со временем появились другие книги, из которых я извлекал новые мысли, чувства и подсказки, но сначала именно эта брошюра произвела действие факела, открытого пламени. Пламя вспыхнуло и осветило прямо здесь, в этом вагоне северной дороги, мой путь... Да-да, под перестук колёс.

Читая уже первые страницы этой, сначала совсем чуже-

родной для меня книжки, я был поражён, как в сильную грозу вспышкой молнии, а затем треснувшим раскатом грома:

«В начале было Слово...

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

А дальше я увидел то, что искал – про совершенную любовь. И книга, которую, как я понимал, записали совсем не советские писатели, написавшие тома для школьной библиотеки, а какие-то другие люди, приподняла меня над этими железнодорожными путями. Эти люди хотели сказать, что мы должны любить друг друга: брата, прохожего, зэка и даже проверяющих из ОБХСС. Удивительно, но получалось, что в каждом из нас есть божественный свет. Вот она, та совершенная любовь, о которой я был испрошен. Эта любовь делает тебя бесстрашным. Так ведь это и есть гармония и порядок, к которым я так стремлюсь!

Я вспомнил детство: то ощущение, знаете, такой защищённости, не взрослой, а вот именно той, среди дворовых салаг. Когда у тебя есть старший брат, и он сильный и известный в мальчишеской среде, на районе, и твоя жизнь становится другой. У тебя есть защитник и авторитет, не какой – то там Марат Казей, пусть героический, но далёкий с плакатов.

Я жил на проспекте Мира в домах, построенных химвкомбинатом – главным предприятием нашего города. Это был район, в котором жили семьи рабочих, рядовых служащих и «начальства». Соответственно качество и метраж жилья делился по категориям. Наша семья была «из рабочих». Жителей более престижного жилья, сейчас это вспоминается с улыбкой, мы называли: «из богатых» домов. В свои игры мы «богаченьких» не пускали, разве что двор на двор – в футбол до темноты или до драки.

И вот, в то время у меня был старший брат, правда, двоюродный. Его семья приходила к нам в выходные, и мы с Мишкой, или по-дворовому с Михой, шли гулять во двор или летом на пляж. Миха был спортсмен – борец. Как раз тогда он выполнил мастера, в районе его все знали, ещё бы, восемнадцатилетний мастер спорта СССР!

Идя по пляжу, держась за руку брата, я всё время смотрел на него, даже спотыкался, но Михаил прощал мне такое восхищение. К нему подходили большие парни и чинно так здоровались за руку. У моего кумира был обнажённый торс, и это производило впечатление не только на меня. Михаил обязательно представлял меня: «Это мой младший братишка – Костик». После этого обычно и со мной здоровались по-взрослому. Хоть брат мне казался огромным богатырём, на самом деле он был легковес, небольшого роста. Через много лет он мне рассказывал, как его задевал этот кажущийся недостаток. Тогда же я видел, что он значительнее всех, кто подходил к нему.

Как-то на такой прогулке я увидел крепких спортивных парней, играющих в футбол на пляже. Миха чуть повернул голову в их сторону и отчётливо сказал с уважением: «Хоккеисты». От играющих отделился такой худощавый парнишка и подбежал к нам. Пожал руку брату, а потом и мне – Костику.

– Как дела, Саня? – спросил брат.

– Нормалёк, – ответил тот.

– Когда на сборы?

– Да вот, жду вызова.

– Ну, давай, покажи там Москве...

Саня засмеялся и побежал такой взвзвальной очень запылающей трусцой. «Смотри пацан, – обратился ко мне брат. – Это – Саня Мальцев». Брат прищурился, наклонил голову по-борцовски, смотря вслед убегающему юноше (*при этом Проводник невольно показывает эту сцену*): «Будущее советского хоккея! Запомни его».

Да, Александр Мальцев – мой земляк. Гордость нашей улицы, района и города. Заслуженный мастер спорта, спортивная слава нашей страны.

Скоро брат уехал с семьёй далеко, но то ощущение силы и поддержки осталось во мне на долгие годы.

...Я прочувствовал о чём эта книга «...от Иоанна» – об

этой любви, способной защитить тебя, и о настоящей гармонии с миром.

За окошком поезда уже во всю холодным северным светом показалось утро. Сегодня мне предстояло очень важное событие – встреча с моим другом и однокурсником Николаем. Он женился раньше нас всех, и его суженая жила на следующей станции – Инта.

Такой вот город, богатый каменным углём. Там была заправка водой и большая остановка. И мы заранее с ребятами договорились встретиться. Николай был старше меня и женат, надо с ним обязательно поговорить о том, что я узнал, и посоветоваться.

9.

ПРОВОДНИК. Я учился в политехническом институте на элитной специальности (*Проводник подбоченивается и объявляет как на подиуме или ринге*) «Конструирование и-и-и производство электронно-вычислительной аппаратууууры». Кто-нибудь слышал о такой? (*Посылает этот вопрос в зал.*) Никто в советской стране тогда о ней не слышал, мы были из первого набора.

В нашей группе практически все были одногодками – и девчонки, и парни, но трое из нас были старше. Двое из них прошли армию. А вот Коля Урванцев не служил. Я запомнил его ещё на вступительных экзаменах. Высокий, необычного вида худой человек с битловской причёской и с такими же оспинами на лице, как у меня. (*Ощупывает лицо – всё ли на месте?*)

Коля отличался от нас. Такой западностью, что ли (*запеваает мелодию «Yesterday», и мелодия сопровождает его речь*), он пристрастил нас к нормальному западному року. (*Продолжает раскачиваться и говорить в такт звучащей мелодии.*)

Я тогда ещё не знал, что такое фарцовка, но он точно занимался этим. И только у него были фирменные наклейки и пластинки. А тогда они стоили около семидесяти рубли-

ков, что составляло три четверти зарплаты инженера, или пятьсот кило картошки, или, о, нет! – семнадцать бутылок водки!

Музыка резко прекращается.

У него была по тем временам классная аппаратура, которая по случаю перешла ко мне – Коля просто мне её подарил. Помню, что в девяностых Коля создал свою фирму (а я разработал ему фирменный знак). А потом он бесследно исчез (*вздыхает*), тогда многие так исчезали. Бац, и нету человека. Ну, скажите, разве можно так – бац и всё? (*Проводник неодобрительно кивает, смахивает что-то со щеки, затем берёт со столика портрет Президента России и внимательно смотрит тому в лицо.*) Нет, так не должно быть (*ставит портрет на место и делает ему какие-то знаки*), но сегодня разговор о другом.

Очень рано у Николая образовалась любовь, и любовь эта проживала в городе Инте. Я готовился к этой встрече, потому что знал, что подойдёт не только он, а и его молодая супруга. Я и Николай, мы с ним всегда играли в баскетбол на физо. А баскетбол – это моя самая любимая игра. Коля из-за своего роста в сто девяносто сантиметров был центровым и всегда знал, когда надо бросить по кольцу, а когда пас отдать. Знал и многое другое, чем делился со мной всегда. А теперь у него была Супруга! Я так волновался, что, вот, я увижу ту совершенную любовь, о которой так неожиданно узнал.

Супруга – это мощное слово. Именно так мне рисовались вот те некрасовские женщины, входящие в горящую избу. Именно супругами они были, а не просто бабоньками. Я надел всё лучшее, что было у меня. А лучшими были: чёрные брюки «на бёдрах» и белая рубашка.

Когда поезд остановился, я вышел в белой рубашке. Они – Николай и его жена – стояли с цветами! Это так меня удивило. Они вдвоём держали букет цветов. Вообще-то по правилам: если цветы, то должен был принести я. С другой стороны, я же проводник, и откуда у меня возьмётся бу-

кет? Но что были эти цветы?! Когда я увидел эту девушку, я был просто сражён наповал. Её звали Женя, она была неземной красоты. Мне нравятся женщины с полотен Ренуара, вот она стала бы точно его моделью.

Стою и завидую ему белой завистью. Надо же, ёпсьтудэй! Ему всегда везло, хотя я должен сказать, такое моё мужское мнение, он мне не казался красавцем. Хотя в нём было много обаяния. Они встретили меня, вручили букет, и Женя что-то защебетала красиво как иволга. (*Звучит нежная мелодия флейты.*) Да, примерно так.

Я не понимал слов, просто слушал эту мелодию. Так поёт иволга – красивая птица и лучшая певунья русских лесов. Да, здесь, видимо, «совершенная» любовь.

Флейта продолжает звучать, Проводник внимательно вслушивается в мелодию.

Я поднял глаза вверх, хотел сказать Николаю: «Ты так счастлив!» Не сказал. Почему? В его глазах я увидел печаль. С годами я часто видел это выражение глаз, по нему можно было сразу определить, есть ли у мужчины семья или нет. Такие мужчины женятся от усталости, что ли.

Коля кивнул мне в сторону, мы отошли. «Вот так, брат, – вздохнул он. – Не знаю, что и делать». У них не было любви, женщина-иволга вышла замуж из любопытства. И теперь они оба были разочарованы.

Раздаётся гудок локомотива.

Я стоял на перроне один с огромным букетом и смотрел вслед удаляющейся такой красивой паре.

Я прислушивался к себе, во мне было разлито что-то такое приятное ко всем к ним: к Николаю, к Жене, к иволге, к вон тем туристам с большими тюками.

Кстати, именно они вывели меня из оцепенения. Эти, очень странного вида, ребята, дружно уставившись на мой парадный вид, разом выдохнули, сказав: «Ну, ты просто фирма!» Именно так, с ударением на последнем слог. Фирма!

10.

ПРОВОДНИК. Нас прицепили почему-то к началу состава. Я не знаю почему, но факт, что я ехал в первом вагоне, и вот мы движемся до Вологды, а Вологда – она воо-она где. (*Усмехается, видимо вспоминая что-то необычное.*) А потом, значит, от Вологды до Питера.

И говорят они, эти ребята, два парня и девчонка: «Здравствуйте...» (*Показывает знаменитую позу из фильма – «Ку-у».*) А я отвечаю с такой мхатовской паузой: «А что, мол, случилось? Если ехать надо, то поехали». И тут выясняется, что эти туристы ненормальные уже сутки торчат на перроне, и брать их никто не хочет. А я такой – «милости просим», у них слёзы на глазах. Быстрее, быстрее за скарбом бегите, орёлики... Ну, они и помчались за своим багажом. А я машинисту кричу: «Подожди, чувак! (Такой тогда жаргон был.) Пол-литра с меня будет».

Когда я увидел, что и сколько они тащут, шатаюсь, еле переставляя ноги, то я понял, почему их не брали на посадку. Погрузка и размещение вещей: рюкзаков, баулов и байдарок с вёслами – ну просто целая флотилия, заняла ещё минут семь. Машинист, уже свой в доску, кричал: «Так мы тронемся сегодня или как?...» Наконец с последним предметом, загруженным в вагон, я даю отмашку: «Трогай!» И мы двинулись. Как оказалось – я-то двинулся за свой горизонт.

Туристы завалили всё – никто не выйдет и не войдёт, это просто нагромождение, а я ведь порядок люблю.

Да, думаю, не могли они по-другому уехать. Они могли только так, как и уехали – зайцами, бесплатно. Отдельная история, что у них ещё и денег не было и почему, не об этом разговор.

Девчонку я отправил к себе в служебку, чтобы выпалась по-человечески. Двое оставшихся пацанов говорят: «Мы спать не будем, лучше давай попьём чайку-кофейку, чего там у тебя есть».

Так начался наш разговор, возможно, самый важный для меня в тот период... Этот разговор затянулся часов на шесть.

Они рассказывали, что решили пройти по вологодским рекам по тем местам, где не ходила нога человека. Это были отчаянные ребята, которые понимали, что не всегда и не везде смогут пройти или дойти до нужного места. Там ведь уже на этих реках всё перепружено: то перегорожено какими-то бобрами, то завалы и буреломы от гроз, наводнений и пожаров. Приходилось все вещи перетаскивать на себе через дикий лес, вырубая кустарник для прохода. Через какое-то время все продукты закончились, а с ними иссякли и силы. Стало ясно, что могут и не вернуться назад. Ко всему прочему, ещё и деньги у них украли... Как добрались они до станции, ума не приложу. Везуха, наверное, или что другое (*поднимает глаза кверху*), хотя нет, ведь они были атеистами.

Тут я и решил узнать: а что вообще это за люди такие? Что это за экстремалы? Хотя, наверное, тогда такого слова ещё не было. (*Проводник смущённо трёт подбородок, что-то вспоминая.*)

Отвечают ребята, что они-де фотохудожники. Что такое фотохудожники? Это художники, создающие фотографии как живописец картины. Они мне говорят, что, ну ты понимаешь, мы тебе очень благодарны. Более двухсот проводников нас отшили и вот тут – ты! И ты говоришь: «Да заходите...», – и какой шок был у нас после отчаяния?

А я, чувствуя свою любовь и свою скромность, говорю, мол, что тут такого было? Всё нормально. Я же вижу, что вы свои в доску...

А они: «Мы тебя отблагодарим – ты даже не сомневайся».

Приглашают эти фотохудожники меня в Питер. А мне в голову раз: да я с Ёлкой приеду, погуляем там. Посмотрим славный град Петра. А они рассказывают мне про га-

лереи и выставки, картины и книги. Не про те, что в школе читают, про другие: Оруэлл и Герберт Уэллс с его «Россией во мгле», Замятин и Василий Гроссман, «Доктор Живаго» Пастернака и другие книги, не издающиеся у нас в стране или ходившие по кухням переписанными от руки. Читают отрывки наизусть и взахлёб рассказывают «подвиги» запрещённых поэтов и писателей.

Эти писатели все были очень достойные люди: один прошёл всю войну, заслужил ордена и совершил подвиг, другой боролся за советскую власть и поддержал революцию, третий ненавидел проклятых капиталистов и написал фантазмагорию, которая показывала, что этот капиталистический мир загнивает, и остальные, которые были ничуть не хуже уже перечисленных. Почему мне не давали узнать их мысли? Почему я не мог слышать их голоса?

Почему запрещали мне принять самому решение, насколько мне это полезно? Неужели бы я не смог разобраться: принимаю ли их идеи или нет? Я хочу быть свободен от принуждения выбирать только «рекомендуемое»!

Последним аккордом нашего разговора стало совместное посещение туалета, да-да, вагонного туалета. Старший по возрасту из туристов, уже достаточно утомлённый нашим разговором, сказал: «Сейчас услышишь такое... сегодня специальная передача русской службы «Голоса Америки». Здесь слишком опасно. Пойдём, закроемся в туалете: там и послушаем». При этих словах он достаёт транзистор «Спидолу-VEF» – мечту любого советского подростка. («Спидола» – это такой переносной транзисторный приёмник, с широким диапазоном частот приёма, позволяющий принимать западные радиостанции).

О, из того, что услышал тогда впервые по «Голосу Америки», запомнил и группу Chicago, и Глорию Гейнор, и Майкла Джексона, и, конечно, политические новости. Для меня, двадцатилетнего, это был прорыв сознания. То есть я понимал, что в той стране, в которой мы живём, а я очень люблю свою страну, да вот вспомнил...

Когда я был пионером и ездил в пионерские лагеря, то запуск каждого космического корабля был событием. Объявляли на вечерней линейке, что сегодня запущен корабль «Восток» или «Союз» с космонавтом таким-то...

Я с нетерпением ждал отбоя и после сигнала «спать» тайно выбирался из корпуса во двор, чтобы выйти на связь с нашим кораблём. В руках я держал фонарик. Именно им я передавал сигналы азбуки Морзе, этому я научился в лагерьном кружке. Я ложился на скамейку и ждал, когда среди ночных созвездий появится двигающаяся точка. Это будет корабль, бороздящий космос, наш советский корабль...

Светящаяся точка корабля всегда появлялась. Тогда я начинал сеанс: сначала посылал три буквы «Ж». Это в Морзе начало сообщения. Звучит так: «Я буква Ж, я буква Ж...» (*Проводник берёт фонарик и направляет его в зал, демонстрируя светом сигнал морзянки.*) А потом само сообщение: «Наилучшие пожелания...» – это код семёрка и тройка. Если спеть, то получается: «Дай-дай закурить и-ду-т сол-даты» (*демонстрирует световыми сигналами фонарика*). После этого я ждал ответа, звёзды на ночном небе мерцали, и ответ с этой движущейся звёздочки вскоре приходил: «73, 73, 73 ...» – то есть пилот-космонавт тоже желал мне всего хорошего. Так я был связан с нашей громадной державой.

Теперь – я потерял связь с этой космической империей.

Мир оказался более красочным, чем я привык и ожидал, более ярким. Это было неожиданно, а с другой стороны, как-то всё сошлось: слово от Иоанна, песни Высоцкого, «Голос Америки» и многое другое, что я раньше разрозненно слышал, но не придавал этому значения. Я понял, что это – огромная мерцающая мозаика, совершенно не позволяющая охватить её общим взглядом, – и есть то устройство мироздания, в котором мы живём. Это стало ясно после нашего совместного похода в туалет. (*Снова передаёт сигнал фонариком 73, 73, 73...*)

Эх, Ёлка, поверь: «...мне так твои глаза увидеть хочется,

Но только ты об этом лучше Морзе расспроси».

Звучит мелодия песни Фрадкина.

11.

ПРОВОДНИК. Утро наступившего дня было суетным и рабочим. Ребята-туристы спали, как говорится, без задних ног, а я нёс трудовую вахту, вспоминая наши ночные разговоры и услышанные по приёмнику «голоса».

Мне запомнилась передача, в которой рассказывалось об афганской войне, шедшей прямо сейчас в Афганистане. Она, эта война, как-то так проходила мимо нас, студентов не касалась, но мы понимали, что там гибнут наши ребята. Они исполняют свой «интернациональный долг» – так нам говорили – и при исполнении долга гибнут. И мы знали, что наше дело правое, и победа будет за нами...

В той американской передаче неожиданно я услышал о тысячах погибших афганцев: стариках, детях и крестьянах, взявших в руки оружие. Они защищали свою родную землю. Что мы делали там? Мы – держава, бороздившая кораблями космос и имеющая лучший в мире балет. Какого хрена мы попёрлись туда? Мне стало понятно, что даже тот космонавт, который отвечал на мои сигналы, не сможет ответить на этот вопрос. Я понял, что там гибнут люди, просто из-за того, что мы решили доказать правильность нашей идеи. Великой идеи о победе коммунизма во всём мире.

Я вспомнил нашу преподавательницу политэкономии (был такой предмет: экономика с политической подоплёкой) по фамилии Шабалихина. Её боялся весь курс: девчонка она просто срезала на экзаменах сразу, а парней мучила многократными пересдачами. Сдача её предмета была равна получению гарантий, что окончишь вуз. И вот она, когда началась война, когда «наши» ввели войска, на семинаре так плотноядно усмехнулась и сказала: «Ну, теперь за два месяца мы им покажем силу развитого социализма, они будут плакать и просить нас о пощаде!»

Война продлилась более десяти лет, и нашу страну не просили о пощаде. Десятки тысяч наших парней полегли там, и столько же вернулось инвалидами. Это было потом. Мы ничего не доказали. Но в то утро я понял, что война, эта афганская война, – это зло. Зло, убивающее в нас красоту и любовь. *(Проводник задумывается.)*

Наш состав шёл, иногда останавливаясь на перегонах, и не так далеко от Вологды мы встали напротив сцепки нескольких товарных вагонов. Там в них были военные, одетые как-то чудно, не в нашу советскую форму, как я её знал, а в панамы и ботинки. Ну, поскольку мы стояли друг напротив друга, то мы с ними стали общаться через окна и вдруг узнаём, что ребята едут в Афган.

Весь мой бригадный женский персонал выпрыгнул на площадку между составами и стал горячо общаться с «афганцами». У нас не было с собой каких-то угощений, но так случилось, что имелось в наличии много варенья, девчонки набрали его для чаепитий. Мы предложили солдатам: «А хотите варенья?» Многоголосное «Да-а-а!», как крик победы, прогремело на весь перегон. Они так обрадовались этому домашнему варенью, что казалось, что это – то единственное, за чем они приехали сюда на полустанок.

Пока девчонки, раскрасневшись от внимания к ним молодых ребят, болтали с армейцами, я познакомился с их младшим командиром – сержантом Саней. Ему было всего девятнадцать, меньше, чем мне, но он был при исполнении командирских обязанностей. Это был стройный и подтянутый парень в подогнанной под фигуру формой. На лице выделялись большие зелёные глаза с шикарными длинными ресницами. Сейчас я понимаю, что он был совсем юным, но тогда он мне казался взрослым парнем.

Саня мне рассказал, что он окончил курс знаменитой Отарской учебной дивизии и, сдав экзамен, получил звание сержанта. Прохождение службы в этой дивизии приравнивалось к выживанию в концлагере. Рассказал о сво-

ей семье – семье военного, его отец – полковник. Он мог запросто устроить ему лёгкую жизнь при штабе, но Саня выбрал настоящую службу. Как он говорил, вся его батарея в одну ночь написала заявления – рапорт к командованию с просьбой продолжить службу в Афганистане. Саня с жаром повторял: «Мы должны проверить нашу мужскую дружбу в условиях войны», при этом он крепко сжимал моё предплечье.

Они – его батарея – были «шилочниками», то есть экипажами самоходки «Шилка» – это была самоходная зенитная установка для стрельбы по низколетящим воздушным целям. Саня даже нарисовал мне её, здорово нарисовал. В Афгане самоходку приспособили для стрельбы по моджахедам, засевшим в скалах.

И вот теперь они ехали сначала в Кушку – самую южную точку нашей страны. Там летом температура могла быть выше пятидесяти градусов, вот зачем панамы! А потом – переброска в Афган.

Я пригласил Саню к себе в вагон. Там достал гитару, и мы спели несколько песен, популярных в то время. Как-то так сблизилась с ним. И вдруг он снимает свою панаму, вот эту. *(Проводник берёт висящую на вешалке армейскую панаму. Внимательно её осматривает – так осматривают обычно оружие перед применением, и показывает её залу.)* Протягивает её мне: «Возьми на память». Я взял панаму и говорю: «Саня, я буду встречать тебя, когда ты вернёшься. На любой станции, где скажешь». Мы крепко обнялись.

Саня не вернулся *(большая пауза)*, а эту панаму-афганку я пронёс с собой через всю жизнь.

Наш поезд разъехался с военным составом. Я долго махал вслед доставшимся мне подарком...

Туристы-художники к этому времени проснулись и подошли ко мне.

– Есть разговор.

– Да, сейчас. Видали? Ребята, солдаты отправляются в Афган. Варенье им отдали.

ИЗВЕСТИЯ

Заявление правительства Республики Афганистан

15 февраля (ТАСС) усомнившегося высылки со-...
 истронгано, следую-...
 вления, правительст-...
 в Афганистан, в...
 и последняя возмож-...
 ораниченно ограни-...
 вельской, войска в Афга-...
 нистана на террито-...
 рию Советов. В кон-...
 тексте, политическо-...
 разног, а также в го-...
 н, с инволюцией со-...
 в единственно выхо-...
 ательности по выво-...
 дах войск в устано-...
 вили. Это важное со-...
 будет политической и о-...
 одной основой раз-...
 ка внутри и снаруж Аф-...
 ганистана.

Газета выходит с марта 1917 года

№ 47 (22585)

Московский вечерний

НА СВОЕМ БЕ

Вывод советских из Афганистана полностью

Сейчас, когда последний солдат покинул территорию Афганистана, занят работой тяжелой, ни фотокорреспондента, нашего коллеги-инженера Александра Секретарева. Его биография потребовалась издательству «Планета», кот...

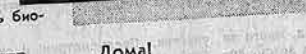

Фото спец. корр. «Известий» С. Смирнова. и в горах, сопках и в пес-
 ной ребятами на границе. пе-
 ных. Глядя на выжженную уже
 с весны афганскую землю.

изменил Афганистан
 немного, продолж
 А. ПЕТРОВ

– Видели. Мы об этом же. Ты должен знать, что мы – диссиденты. Ты связался с диссидентами, а мы противники империалистических и коммунистических войн.

Я даже слова такого не знал, ну, думаю – влип. А они продолжают, что, понимаешь, мы живём в такой стране... А хотим по-другому, чтобы люди могли быть разными и свободными. И мы против этой ужасной войны, где убивают один другого непонятно за что.

И до меня дошло: надо действовать! В мире надо построить гармонию и порядок. Надо остановить эту бойню.

А ребята продолжают, рассказывают мне об узниках совести и протестующих против войны в Афганистане. Так, учёный с международной известностью подвергается преследованиям властей, а сотни людей за открытое выражение своих взглядов отстраняются от работы в вузах, заключаются в тюрьму, и кто-то умирает из них после суда в молодом возрасте.

Прямо заывают меня в Питер, там как раз очень серьёзное собрание должно быть тех, кто против этой войны. Это же в точности наш маршрут! Лишь к Лене в пятницу я не успеваю.

Питерцы среди разных песен, что мы спели, исполнили одну, которая задела меня очень сильно. Песня незнакома мне тогда поэта Галича. (*Проводник берёт гитару и напевает речитативом.*)

Сердце моё заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И – свистите во все свистки!

Я выбираю Свободу, –
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю Свободу
Быть просто самим собой.

И это моя Свобода,
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота –
Как мне поладить с ней.

Я выбираю Свободу,
Я пью с нею нынче на «ты».
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.
Но славно звенит дорога,
И каждый вокзал, как храм.
А пуля весит немного –
Не больше, чем восемь грамм.

Я поехал (*пауза*), я поехал с ними в Питер на эту диссидентскую тусовку. Ёлке дал телеграмму. Вот она (*достаёт из кармана и зачитывает*): «Лена я не приеду пятницу тчк Я выбираю свободу быть самим собой тчк По-другому не могу тчк Костик». (*Вопросительно смотрит в зал, трёт глаза вздыхает, обратно прячет листок.*) Я действительно не мог, просто не мог оставить без своего участия построение общей гармонии.

Я был в Питере среди тех, кто вышел на протест, нас разогнали и даже побили, но потом появилось знаменитое открытое письмо академика, лауреата Нобелевской премии Андрея Сахарова. (*Проводник замирает, вытягивается и зачитывает как торжественную клятву.*)

«Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Леониду Ильичу Брежневу
... Генеральному Секретарю ООН, Главам государств –
постоянных членов Совета Безопасности.

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности – об Афганистане. Как гражданин СССР, и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события...

...выход из возникшего тупика должен быть найден. Продолжение и тем более дальнейшее усиление военных действий приведут, по моему убеждению, к катастрофическим последствиям. Быть может, мир именно сейчас находится на перепутье, и от того, как будет разрешен афганский кризис, зависит весь ход событий ближайших лет и даже десятилетий...»

Проводник обхватывает голову руками, растёгивает китель и пьёт оставшийся чай.

Война не прекратилась, но я почувствовал себя настоящим гражданином великой страны. Я мог влиять на окружающий мир.

Проводник подходит к колоколу и дёргает за язык, подавая сигнал окончательной остановки поезда. Звук прибытия состава на конечную станцию плывёт по зрительному залу.

ЭПИЛОГ

ПРОВОДНИК. После питерской тусовки меня отчислили из вуза, и я пошёл работать на железную дорогу.

Для меня стало главным ощущение свободы, которое я приобрёл в той поездке. Как говорил известный писатель: «Никогда не забывай, что ты свободен, и в том числе поэтому – показывать свои эмоции не позор».

Теперь, по прошествии многих лет, все события не кажутся мне случайными. Я лишился своей первой большой любви, но зато я приобрёл путеводную нить и затем всю жизнь шёл по ней. Старался изо всех сил создать гармонию и порядок.

С моим сыном по субботам мы играем в футбол. Он страстно любит эту игру и хочет стать вторым Пеле. Я ему говорю: «Сынок, держись середины поля... И береги каждый мяч, который ты получил. Береги его как невесту». На португальском «мяч» женского рода – «бола», и именно так говаривал сам великий Пеле. *(Многозначительно показывает жестом как это важно.)*

Скоро сын спросит меня: «Отец, как ты прожил свою жизнь? Ты достиг того, что хотел? Был ли ты счастлив?»

Я хочу быть готовым к этому разговору и хочу помочь ему сесть именно в его курьерский поезд, чтобы состав помчал его по выбранному им направлению. Только надо понимать, что за свой выбор и ответить придётся самому. *(Тяжело вздыхает.)*

Нужна ли ему такая ответственность? Но эта история и для него. Поймёт ли он... не знаю.

Звучит мелодия-лейтмотив «Скорый поезд», сначала всё сильнее и сильнее, а потом будто удаляясь за горизонт.

Проводник смотрит в зал, не дождавшись ответа, разворачивается и походкой пожилого человека идёт на место начала спектакля. Выключает стационарный фонарь.

Конец.